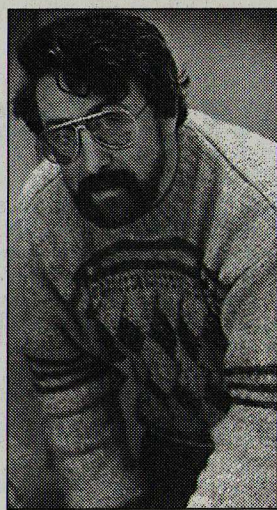

Игорю Фарфелю как художнику доступно многое. И монументальная скульптура, и острый, отточенный рисунок, и живопись, и декоративные композиции, и тончайшая ювелирка. Он получал награды и премии, в том числе и Государственную, благодаря многим людям. Его работы можно встретить в десятках городов бывшего СССР и во многих странах мира. Но еще как подлинному художнику ему свойствен яркий, образный взгляд на жизнь, на мастерство, на миссию художника. В рассказах о своей жизни он тоже в первую очередь — художник. О чем, думается, свидетельствуют фрагменты наших многочасовых бесед.

ИГОРЬ ФАРФЕЛЬ:

“Все — не случайно”

ПРИЗВАНИЕ

Сергей НИКОЛАЕВ

Мое детство прошло в Вологде. И часто, вспоминая те давние дни, я вижу себя будто со стороны. Мне, нынешнему, хочется подойти ко мне, мальчику, и указать ему на какую-нибудь особенно выразительную деталь окружающего: смотри, запоминай, когда-нибудь ты станешь художником и тебе это пригодится. Я не могу подойти к нему... Но раз я, нынешний, помню эти детали, значит, я, мальчик, запомнил их и память сохраняла их на долгие десятилетия?..

Вот я стою у огромного ящика с непрозрачным маленьким стеклом. Это первый в городе телевизор. Предмет моей особенной гордости — его собрал мой отец.

Вот я с приятелями на рыбалке. Тут же на плотах женщины полощут белье. Взмах удочки, и — о ужас! — крючок цепляется за юбку молодухи и задирает ее наверх. Мы изображаем отчаяние. Будто все происшедшее — чистая случайность. Но сами, конечно, торопимся изучить загадочное устройство женского тела, в то время как нас с криками и шлепками изгоняют прочь с плотов. Впрочем, довольно скоро нас прощают. У какой-нибудь из женщин вдруг вырывается из рук и медленно плывет по течению белоснежная простыня. Она сверкает в лучах солнца в кристально чистой воде, меняя очертания в медленном потоке, напоминая то водяное чудовище, то утопившуюся Офелию. А задираем мы, загоревшие до черноты мальчишки, поднимаем в воздух мириады горящих каплей.

В поднятой ряби начинают ломаться отражения старинных колоколен. Потом они усложняются, их части соединяются вместе и принимают тот вид, который был у них сто — двести лет назад.

А вот и мой первый живописный опыт. Художник с этюдником. И я, спрятавшийся за кустом. Удивительно и странно видеть, как постепенно на холсте появляется старинный резной особняк. И кажется, что в разноцветных этих кучках на палитре кроется какая-то волшебная сила. Художник на минуту отходит, а я, кинувшись к этюднику, сгребая щепочкой немного краски. И с выпрыгивающим из груди от счастья сердцем я бегу к себе во двор. Там я не нахожу ничего лучшего, чем покрасить торцы поленьев в различные цвета. Мне первое творение мне безумно нравится. Я подолгу смотрю на него, нюхаю, трогаю. А потом с тоской наблюдаю, как мой шедевр постепенно уходит в толпу. По-

том художник этот, Юрий Петрович Соколов, сыграл в судьбе моей важную роль. Когда я пришел записываться в изостудию, то увидел, что руководит ею именно он. Он внимательно следил за тем, как развиваются мои способности. И увидев, что я перерос уже ученический уровень, сам привел меня в среднюю профессиональную художников.

Другое место, другие воспоминания. Окрестности Одессы. Полуостров-полуостров Балта. Изумительной грации и внутреннего благородства женщина — ее зовут Татьяна Евгеньевна. Говорили, что она принадлежала к царской фамилии и застряла в Балте по пути в Крым, откуда надеялась уехать за границу. Ее муж, контр-адмирал, погиб при Цусиме. И она, чтобы спасти своего сына, вышла замуж за местного садовника. Это был явный мезальянс, к тому же не оказавшийся спасительным. В 30-х сын ее был расстрелян. Уже много лет спустя, когда я побывал в доме, где она жила, я нашел давний ее запрос в архив Царского Села с просьбой подтвердить ее образование. Это надо было для того, чтобы ей предоставили право преподавать в Балте английский и французский языки.

Она учила и меня. Более того, благодаря именно ей я слепил первую в своей жизни скульптурную композицию. У нее было изумительное художественное чутье, и она, обнаружив мое пристрастие к изобразительному искусству всячески поощряла его.

Потом была Строгановка. И помимо — радость общения с большим мастером — Николаем Васильевичем Томским. Свой творческий путь он начал в деревенской кузнице и пришел к высокопоставленным правительственным заказам. В свои работы, даже самые идеологизированные, во все свои заказы он вкладывал неистовый жар своего творческого сердца, талант рук, колоссальный архив памяти, чуткость и лирику восторженной души. Он помогал многим молодым художникам найти себя. Заказами, деньгами. В том числе в мой творческой биографии он очень помог и мне. Я неоднократно наблюдал за его работой, непосредственно участвуя в ней иногда. И он всегда находил для меня время, несмотря на все свои академические и лауреатские звания, на постоянное депутатство в Советах. Он много рассказывал мне о своей жизни, в общем-то, творчески счастливой, но далеко не простой. И некоторые ее подробности известны только мне.

Во время разговоров с Томским и впоследствии мне не раз приходилось задумываться о роли и месте художника в об-

ществе вообще и в нашем многострадальном обществе, в частности. Мы хорошо знаем о том вандализме, который был совершен по отношению к памятникам после революции. Но разве то, что случилось совсем недавно, несколько лет назад, многим лучше?..

Мне много пришлось поработать по городским и сельским культурным центрам. Я делал

какая гамма палитры мне ближе, какие работы более любимы, я отвечаю, что все мои пристрастия в тот или иной момент зависят от моего внутреннего состояния, от состояния окружающих меня — то есть, в конечном счете, и от общества тоже. Все оказывается взаимосвязанным.

О художнике можно говорить сколько угодно много громких

В разработанной мной архитектурной композиции произошли интересные, очень важные для меня совпадения. На стеле красного гранита, символизирующей знамя Победы, я выполнил стилизованные радиоволны, которые были выгравированы на вертикальном полированном камне, символизирующем и радиомачту-передатчик вместе со знаменем.

срочно позвонил, вдруг показалось, что именно сейчас произойдет несчастье и отобранная для памятника уникальная гранитная стела будет похищена. С разных концов Москвы кинулись мы к тому месту, где она хранилась. И своим внезапным появлением... спугнули воров.

Судьба и работа сводили меня со многими людьми, порой очень интересными. Некоторые из них исчезли из моей памяти. Некоторые запомнились, несмотря на кажущуюся обыденность встречи. Помню одну такую работу, яркую и неожиданную по обстоятельствам, ее сопровождавшим.

Как-то раз меня познакомили с человеком низкого роста, с огромной головой и черной бородой. Руководитель завода художественного литья, где я тогда работал, представил его как знакомого известного журналиста Каверзнева. Оказалось, что мой новый знакомый — самый настоящий цыганский барон. У него погиб молодой сын, и он желал установить памятник на его могиле. Причем такой, похожего на который нет во всем мире. И высотой около 8 метров. Ничего себе! Но сумма, предложенная в качестве рабочей, была столь значительной, давала такие широкие возможности для творческой фантазии, что я согласился.

Для полупомощи-полуназора ко мне были приставлены сыновья старого цыгана. И работа закипела. Я работал по фотографиям, но постоянные рассказы братьев о погибшем очень помогали мне. Хотя, по правде сказать, я с некоторой тревогой думал о коротких трех месяцах, за которые мне предстояло окончить и установить памятник.

Лепка, формовка (а я решил вырубить композицию из громадной глыбы, имевшейся у меня). Потом резка по камню, днем и ночью, вместе с известными мастерами — отцом и сыном Банковскими.

Потом нам предстояло отправить гигантский монумент в Харьков, где он на престижном кладбище на Холодной горе и должен был быть установлен. Заказанная машина не пришла. И мы взяли монумент на попутке. Ее водителем был “демократ”, и он был уверен, что машина, проседающая под тяжестью, не доедет, развалится. Но, видимо, цыганское счастье помогло. Мы все же приехали.

Выйдя из машины у кладбища, я был потрясен количеством людей, столпившихся там. Оказывается, цыгане три дня и три ночи находились на кладбище, жили там, жгли костры, ждали памятника.

И вот настал долгожданный для всех этих людей момент. Младший брат сдернул покрывало. И тут же пошел дождь. Как и в тот день, когда погибшего хоронили.

Наступила полная тишина. Только тихо-тихо шелестел дождь. Замолчали даже кладбищенские птицы.

Намокшая, сухое каменное лицо стало темнеть, черты стали

смягчаться, оно оживало с каждым мгновением.

Появилось полное впечатление того, что в пыльный, шлифованный камень заново вошла душа красивого цыганского юноши, который гордо стоял над толпой в своем нарядном костюме, держа в руке две розы — большую, символизирующую жену, и маленькую, еще не раскрытый бутон, — дочку. За его спиной — аллегория цыганской души — взмывал вверх крылатый конь.

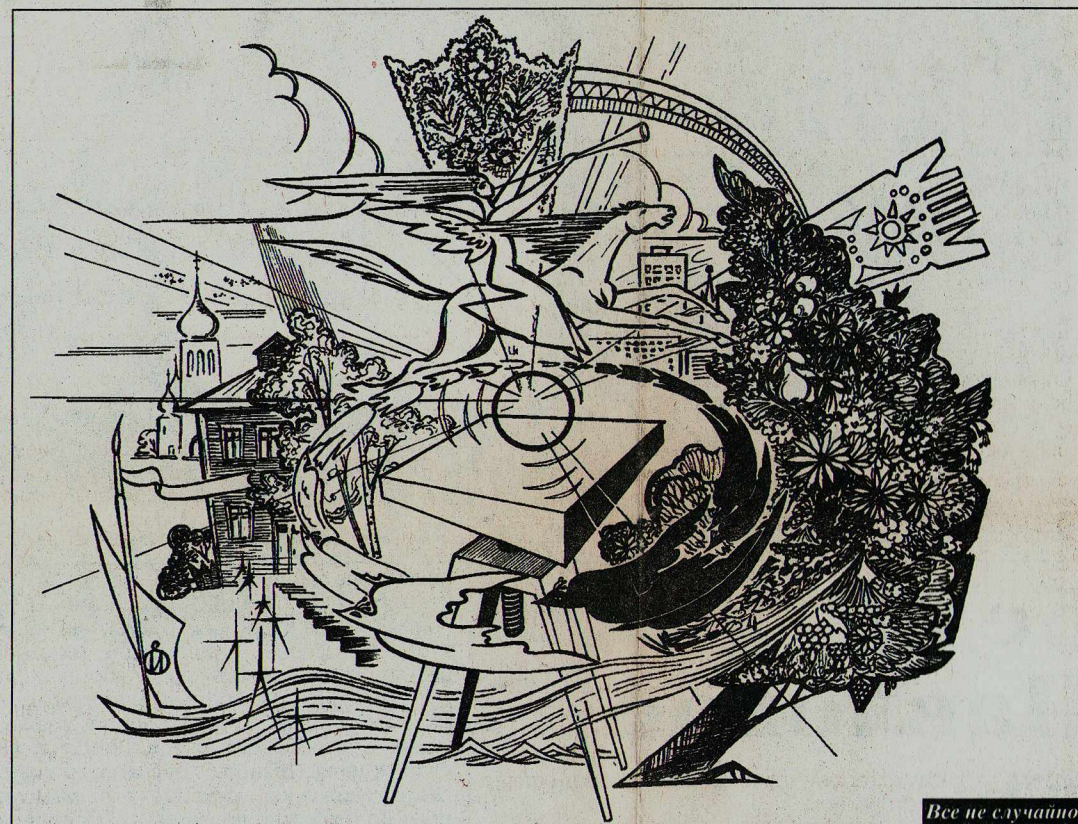
Тишина. Но вот юная красавица жена, держащая на руках дочку, прошептала: “Вот так взяла бы тебя за руку, Тавричан, и пошла...” Ее шепот услышали все. И тут началось нечто невообразимое: родственники и друзья умершего лезли на памятник, тянули к нему стаканы с водкой, обнимали, рассказывали последние новости...

Когда со мной расплачивались, мне дали большой узел с цыганскими деньгами. “Пересчитай”, — сказал барон. Считать я не стал, знал, что не обманут.

Он проводил меня до самой Москвы. А прощаясь, сказал: “Знаешь, Игорь Евгеньевич, я понял, что ты настоящий мастер, и ты не обижайся, так как я хочу тебя кое о чем предупредить. Если ты сделаешь такой же памятник другим цыганам, то я тебя... зарежу”.

На этом история с цыганским памятником не закончилась. Меня вызывали в ЦК КПСС, на Старую площадь, и там референт, курирующий Харьков, потребовал от меня согласия на демонтаж памятника. Он-де вызывает негативное отношение местных жителей своей величиной и помпезностью. На самом деле, как оказалось, в день моего Тавричана попало надгробие какого-то местного начальника. Из-за этого возник весь сыр-бор. Я, разумеется, от демонтажа отказался.

Сейчас много рассуждают о том, какую роль художник играл в обществе раньше и какую теперь. Что там рассуждать! Откровенно говоря, в основном наш брат художник никогда и никому особенно не был нужен, он сам организовывал потребность в себе, участвовал в выставках, выискивая заказ, пытаясь сбыть уже созданное, обеспечить свой имидж и конкурировать с себе подобными, предлагая заказчику или на конкурс свою оригинальную идею. Мир конкуренции для нас, людей “свободной” профессии, — явление не новое. Каждый из нас является самостоятельным мини-производителем, которое стремится, единожды заявив о себе, максимально расширить ареал потребления своих возможностей, при этом стараясь выдать “на гора” более высокое качество работы, чем то, которое от него ожидали. Хотелось бы всем живущим в нашей непростой стране, в непростое время дать простой, творческий совет: “Делай, как мы, поступай, как мы — художники!”

Все не случайно

рельефные панно на темы освоения космоса, развития промышленности или так называемой социальной лирики. Темы диктовало время. Ни я, ни большинство моих товарищей не относились к этой работе, как к халтуре. Конечно, появлялась возможность заработка, иногда очень даже неплохого. Но мало кому приходило в голову делать свое дело спустя рукава. Все-таки это были не штампованные гипсовые девушки с веслами. В этих композициях было отражено время.

Я хорошо знаю, что такое политическая конъюнктура. Я выполнял высокопоставленные заказы. Ездил на правительственные дачи. Общался с членами Политбюро. В то же время я знал всему этому цену. С особенностями идеологического молота я столкнулся еще в молодости, в 1966 году, когда в газете “Вологодский комсомолец” напечатал маленькую заметку о том, что разрушать старинную архитектуру — плохо. Заметку сопровождал мой рисунок, наглядно свидетельствующий о том, что это действительно так. Что тут поднимать! Какие только газеты не протаскивали меня! Слава на весь Союз. А уж в чем только ни обвиняли тех, кто помог этой заметке появиться на свет!

У художника должно быть чрезвычайно обостренное мироощущение. И возможность рационального и иррационального преломления пространства в сознании. Художник должен быть общительным, не замкнутым, коммуникабельным. В его душе желание отдать должно превосходить желание взять. Когда меня спрашивают,

слов, но все они имеют смысл, если есть Дар Божий, если есть моменты озарений и знамений.

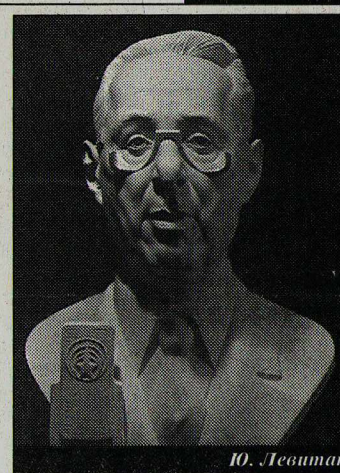
Среди множества работ, выполненных мною, есть несколько наиболее памятных. Одна из таких — работа над памятником знаменитому диктору Юрию Левитану.

...Опять вижу себя ребенком будто со стороны. В жизни нет ничего случайного. Обратишь на что-нибудь внимание, останешься, замрешь, пораженный на мгновение. И... забудешь. Бывает, на долгие десятилетия. А потом, работая над чем-то, сталкиваясь с чем-то, становящимся частью твоей жизни, вдруг вспоминаешь: а вот тогда, в детстве, давным-давно ведь было уже это...

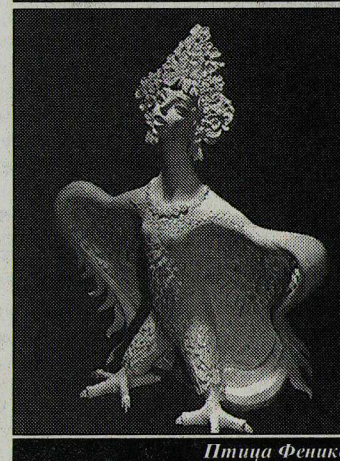
Тот самый детский взгляд оживает, соединяя пространство и время.

Так, я хорошо помню, что говорил мне о Левитане мой отец, когда я замираю, завороченный торжествующим напором его голоса. И мою буквально магическую тягу к бумажному рупору, окаймленному железным кольцом, со звуковым генератором и черной воронкой динамика в центре.

И эти впечатление, голос, слова особенно ярко вспомнились тогда, когда мне было предложено сделать памятник Левитану. Портрет я делал по фотографиям, что вполне могло не дать портретного сходства. Но лепку я закончил за один день, и сходство было однозначно принято коллегами Левитана, многими людьми, знавшими его лично, его дочерью Натальей. Один из самых ценных для меня отзывов прозвучал из уст его соратника, Ольги Высоцкой.

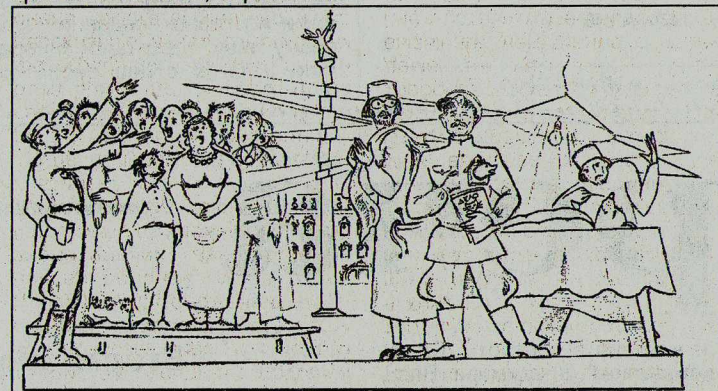
Ю. Левитан

Птица Феникс

Когда же я собрал всю композицию, то оказалось, что на колонне, где установлен бюст, имеются не гравированные, а природные полосы, конструктивно и композиционно совпадающие с задуманными.

Был и еще один случай, почти мистический связанный с этим памятником. Когда однажды ночью мне и дочери Левитана Наталье, которой я

“Собаке сердце”. Архитектурная композиция